

V.I. Sigov, A.L. Slobodskoy, A.O. Evstigneeva
INSTITUTIONAL CHANGES OF ECONOMIC MANAGEMENT
METHODS IN THE CONTEXT OF ANOMIA

Victor Sigov – Head of the Labour Economics Department, Saint-Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociology, Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: dekanat205@yandex.ru.**

Aleksandr Slobodskoy – Professor at the Department of Personnel Management, Saint-Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: dekanat205@yandex.ru.**

Anna Evstigneeva – a post-graduate student at the Labour Economics Department, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg; **e-mail: dekanat205@yandex.ru.**

The relevance of this study is based on the fact that social and economic transformations in the Russian society has lead to changes in the system of values and normative regulation of social conduct. With regard to the values this change deals with breaking the link between labour and meeting the needs. In term of norms the transition from ideologization of normative culture in planned-administrative economy to legal and law-based methods of managing economic behavior in the liberal model has resulted in anomia phenomenon wherein stereotypes of normative presentation of former culture still remain. From the point of view of social norms many methods of management and revenue generation are considered to be fraudulent, non-social and deviant yet no criteria of associating such activities with criminal have been worked out.

The article advocates for the idea that under anomia it is not quite possible to clearly distinguish between norm and deviation with regard to the business owners and government workers activities since neither the origin or factors and aspects of deviant economic conduct have been revealed. Neither have criteria been assigned for labeling the activities of businessmen and public officials as a deviant one. This also relates to the lack of specific features and phases of such an activity. The criminal and legal interpretation of deviation in economy does not provide any methodological basis for the analysis of such a behavior.

Keywords: social norms; anomia; deviant conduct; meeting the needs; institutional changes; internalization.

В.И. Сигов, А.Л. Слободской, А.О. Евстигнеева
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СПОСОБОВ
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СИТУАЦИИ АНОМИИ

Виктор Ивглафович Сигов – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики труда ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург; **e-mail: dekanat205@yandex.ru.**

Александр Львович Слободской – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург; **e-mail: dekanat205@yandex.ru.**

Анна Олеговна Евстигнеева – аспирант кафедры экономики труда ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург; **e-mail: dekanat205@yandex.ru.**

Актуальность данного исследования обосновывается тем, что социально-экономические трансформации в российском обществе привели к изменениям в системе ценностно-нормативного регулирования социального поведения. В ценностном плане это изменение, прежде всего, связано с разрывом связей между трудом и удовлетворением потребностей. В нормативном плане переход от идеологизации нормативной культуры в планово-административной экономике к опоре исключительно на правовые, закрепленные в законах, способы управления экономическим поведением в либеральной

модели привел к ситуации аномии, при которой сохраняются стереотипы нормативных представлений прежней культуры. С позиций социальных норм многие способы хозяйствования и получения доходов считаются мошенническими, асоциальными, девиантными, однако критериев отнесения такой деятельности к преступной не выработано.

В статье обосновывается идея о том, что в ситуации аномии невозможно провести четкое разделение между нормой и девиацией в деятельности предпринимателей, а также государственных служащих, так как не выявлен генезис, факторы, формы и аспекты девиантного экономического поведения, не выделены критерии отнесения деятельности предпринимателей и чиновников к девиантной, этапы и признаки такой деятельности. Уголовно-правовая трактовка девиации в экономике не дает никаких методических и методологических основ для анализа такого поведения.

Ключевые слова: социальные нормы; аномия; девиантное поведение; удовлетворение потребностей; институциональные изменения; интернализация.

Социально-экономические трансформации в российском обществе привели к изменениям в системе ценностно-нормативного регулирования социального поведения. В ценностном плане это изменение, прежде всего, связано с разрывом связей между трудом и удовлетворением потребностей.

Если в планово-административной патерналистской модели экономики удовлетворение потребностей человека было тесно связано с его трудом, то при переходе к либеральной модели экономики произошло отделение удовлетворения потребностей от трудовой деятельности, что нашло свое крайнее выражение в муниципализации объектов социальной инфраструктуры, их снятия с баланса предприятий, на которых они удовлетворяли связанные с трудом на предприятии потребности работников, и передаче их на баланс муниципалитетов.

В нормативном регулировании коренные изменения были заложены тридцать лет назад принятием законов «Об индивидуальной трудовой деятельности» и «О собственности в СССР», что означало переход к ведению хозяйственной деятельности на основе личной инициативы (предпринимательство). Однако не существовало ни законодательных, ни этических норм, которыми предприниматели могли бы руководствоваться в своей деятельности. Советская нормативная культура не могла регулировать отношения в бизнесе, так как была основана на других принципах функционирования экономики. Естественно, что принятие новых законов только заложило основы новой норматив-

ной культуры хозяйствования. Реально же общество оказалось в ситуации аномии, при которой значительная часть населения сохраняет стереотипы нормативных представлений прежней культуры, считая некоторые способы хозяйствования, получения доходов, приобретения капитала мошенническими, асоциальными, девиантными, однако критериев отнесения такой деятельности к преступной не выработано.

Парадокс состоит в том, что не только граждане, но и государственные органы не имеют единой точки зрения на девиацию в экономике. Более того, многие девиантные проявления воспринимаются как теневая норма поведения (откат, теневой механизм инвестирования и т.д.) [3].

В результате значительная часть преступлений в экономической сфере остаются латентными. Обвинения в мошенничестве, растрате, коммерческом подкупе и т.д. политики и бизнесмены используют как средство борьбы с конкурентами, в геометрической прогрессии растет преступность, а также коррупция среди чиновников, которые манипулируют отсутствием устоявшихся критериев отнесения деятельности к преступной.

В условиях трансформации сложно дать четкое разделение между нормой и девиацией в деятельности предпринимателей, а также государственных служащих, так как не выявлен генезис, факторы, формы и аспекты девиантного экономического поведения в современной России. Не выделены критерии отнесения деятельности предпринимателей и чиновников к девиантной, этапы и признаки такой

деятельности. Уголовно-правовая трактовка девиации в экономике не дает никаких методических и методологических основ для анализа такого поведения.

Данной позиции придерживаются в настоящее время многие ученые, исследующие экономическую преступность. Так, В.В. Колесников указывает, что «в социокриминологическом анализе экономическую преступность, преступность в сфере экономической деятельности неправомерно сводить к простому множеству деликтов в сфере бизнеса, некой элементарной сумме отдельных элементов, из которых состоит целое. Она представляет собой сложное специфическое системно-структурное образование с многообразными взаимосвязями разных преступлений, видов преступности и самих деликтов; является образованием, имеющим тесную взаимообусловленность с особенностями социальной среды, со спецификой существующих экономических и социально-политических условий и отношений и т.д.» [2].

В современном обществе отсутствует само понимание природы **девиантности (deviantness)** как таковой, ее границ в условиях отсутствия, нестабильности и конфликта норм:

- не определены границы допустимых девиантных проявлений при сохранении социума в таких условиях;
- не выделены социальные категории, имеющие при прочих равных условиях неодинаковые границы допустимой девиации.

При размытости, отсутствии и конфликте норм, не сложившихся в культуре и отсутствии идеологии государство не может проводить самобытную политику, так как аппарат государства, являющийся бюрократическим образованием, оказывается деидеологизированным и начинает работать сам на себя. В этих условиях **право** не в состоянии ограничивать девиантные проявления, и размываются сами границы девиантных проявлений.

В ситуации аномии, в которой размытые социальные нормы утратили четкие границы, для общества и индивида оказалось затруднительным определить допус-

тимось вариантов девиантного поведения [1]. Смена ролей в обществе опиралась на перераспределение ответственности за результаты деятельности, прежде всего в связи с необходимостью покрывать расходы бюджета советской экономики в условиях падения мировых цен на энергоносители. Для решения этой проблемы были предприняты попытки ввести «материальную мотивацию», т.е. увязать доход советских граждан с результатами их труда, однако эта идея натолкнулась на сформировавшиеся социальные нормы, которые отражали негативные эффекты патернализма (коллективная безответственность, недоверие к управляющей системе, нежелание вкладывать трудовые усилия в связи с отсутствием веры в следующее за трудом вознаграждение и т.п.). Политические попытки предложить гражданам самостоятельно решать свои проблемы вошли в противоречие со сложившимися поведенческими моделями, свойственными уравнительному потреблению.

В результате предоставления новых возможностей экономической деятельности население разделилось на 3 неравные категории:

1) наибольшая часть населения не имела опыта владения собственностью в условиях рыночных отношений и удовлетворяла потребности на основе ценностных ориентаций и социальных установок уравнительного потребления, в основание чего положена лояльность по отношению к руководству;

2) незначительная часть населения воспользовалась открывшимися возможностями и попыталась стать предпринимателями, т.е. участвовать в экономической игре по правилам рыночной экономики, играя «на свой страх и риск». Для большинства из них в силу неясности «правил игры» риск оказался чрезмерным. Те, кто пытается стать предпринимателями в настоящее время, испытывают аналогичные трудности, помноженные на коррупцию, рейдерство, отсутствие независимой судебной системы и т.д.;

3) небольшая часть населения, имевшая доступ к административному ресурсу, т.е. к каналам распределения ресурсов и

инсайдерской информации, воспользовалась возможностями приватизации и получила в собственность наиболее эффективные активы советской экономики. При этом значительная часть данной категории российских граждан сохранила свои позиции в структурах государственного управления.

Отмеченные институциональные изменения с точки зрения теории аномии отражают функционирование одновременно:

а) двух противоположных типов ценностной системы, ориентированных на «благо народа» либо на личный доход, и

б) трех типов социальных норм, в которых первая категория перекладывала ответственность за удовлетворение потребностей на государство, но готова была в обмен на полное социальное обеспечение достаточно много (с течением времени – всё меньше) работать, вторая категория полностью брала ответственность за свое благополучие на себя, а третья категория продолжает получать как финансовое обеспечение своих потребностей, так и социальное обеспечение через особую систему распределения.

В этих условиях определить какое-либо поведение как девиантное можно лишь с уточняющими оговорками, а именно – в какой системе ценностно-нормативных регуляторов оценивается конкретная поведенческая модель. К примеру, существенной особенностью советского способа нормативного регулирования социально-экономических отношений была их тесная связь с идеологией и системой ценностей. Практически это означало, что все поведение в обществе и организациях регулировалось на единой нормативно-ценностной основе. Причем именно идеология и ценности выступали в качестве основы нормативного поведения. Санкции наступали не за нарушения закона, а за поведение, противоречащее требованиям идеологии, и имели, прежде всего, идеологическое обоснование – от признания «врагом народа» в сталинские времена до «несоответствия моральным принципам строителя коммунизма» во времена Л.И. Брежнева.

Идеологизация нормативности на протяжении 70 лет лежала в основе всей системы воспитания советского человека. В связи с этим самым странным результатом социально-экономических трансформаций можно считать отказ от идеологической нормативности и попытку заменить ее нормативностью, построенной на законе. Естественно, что такая замена в стране, где отсутствие уважения к закону и любым формализованным нормам, следовать которым необходимо просто в силу их существования, является самой существенной особенностью менталитета, могла привести только к ситуации аномии. Что и произошло в сфере трудовых отношений.

Советская система требований к трудовому поведению опиралась на императив труда на благо общества как дела чести, доблести и геройства. На этом держалась вся советская система трудового воспитания, обуславливавшая отношение к труду работников предприятий народного хозяйства. При этом система трудового воспитания включала санкции за уклонение от труда и недобросовестный труд.

Таким образом, трудовое поведение советских людей на предприятиях было прогнозируемым, достаточно хорошо управляемым и позволявшим успешно решать планируемые задачи.

Рыночные трансформации при одновременной идеологической компрометации советского опыта быстро упразднили сложившуюся систему трудовых отношений, дискредитировав всю систему ценностей трудового поведения. В связи с этим социально-трудовые отношения современной России находятся в ситуации аномии, когда предметом обсуждения и конфликта может стать любое нормативное требование, начиная от своевременности выплаты заработной платы, соблюдения временного режима работы и заканчивая правами собственности на предприятие.

Поскольку в России до сих пор не выработана адекватная концепция трудового воспитания, на многих предприятиях складывается ситуация, когда отдельные работники, чаще всего высококвалифицированные специалисты, начинают дикто-

вать свои правила поведения и влиять на корпоративную культуру предприятий, с чем вынуждены считаться топ-менеджеры организаций.

Это связано с тем, что постсоветский человек, отбросив советскую систему ценностей, включая отношение к труду, не получил никакой новой системы норм и правил поведения, кроме «общечеловеческого» стремления к деньгам и успеху. В современной социологической литературе это явление получило название «проблемный человек», то есть человек, поведение которого полностью зависит от конкретной ситуации и складывающейся конъюнктуры.

Если нормативные требования к трудовому поведению выдвигаются от имени владельца предприятия, они наталкиваются на рефлексивную неприязнь постсоветского человека к частному собственнику и эксплуататору, подкрепленную 70-летним изучением «Капитала» Маркса. Советские люди трудились на государство и получали зарплату от государства. Работа на частного оценивалась ими как эксплуатация, не могущая вызывать положительную мотивацию.

При предъявлении нормативных требований со стороны руководства предприятия к рядовым работникам без всякой аргументации – «так надо», «так необходимо делать по инструкции», необходимость выполнения нужно каждый раз доказывать и логически обосновывать. А если учесть, что эти объяснения надо давать на уровне понимания исполнителя,

то договориться иногда бывает достаточно сложно.

В связи с этим наиболее распространенной формой отношений между работодателем и работником становится индивидуальная договоренность о режиме работы, оплате труда и других сторонах социально-трудовых отношений. Такая система исключает введение нормативных требований к трудовому поведению персонала.

Трудовые отношения на предприятии все больше начинают складываться по принципу «ты – мне, я – тебе». Переход на подобную систему отношений между работодателями и наемными работниками начинает формировать на предприятиях корпоративно-мафиозную культуру отношений, при которой обе стороны согласовывают свои интересы за счет интересов владельца или акционеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социол. этюд / изд. подгот. Вал.А. Луковым. СПб.: Союз, 1998. С. 294–296.

2. Колесников В.В., Моденов А.К. Об экономической преступности как социальном явлении // Экономика и промышленная политика России: труды III международной научно-практической конференции 14–19 июня 2004 года. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 483–486.

3. Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // СоцИс: Соц. исслед. М., 2002. № 4. С. 13–21.